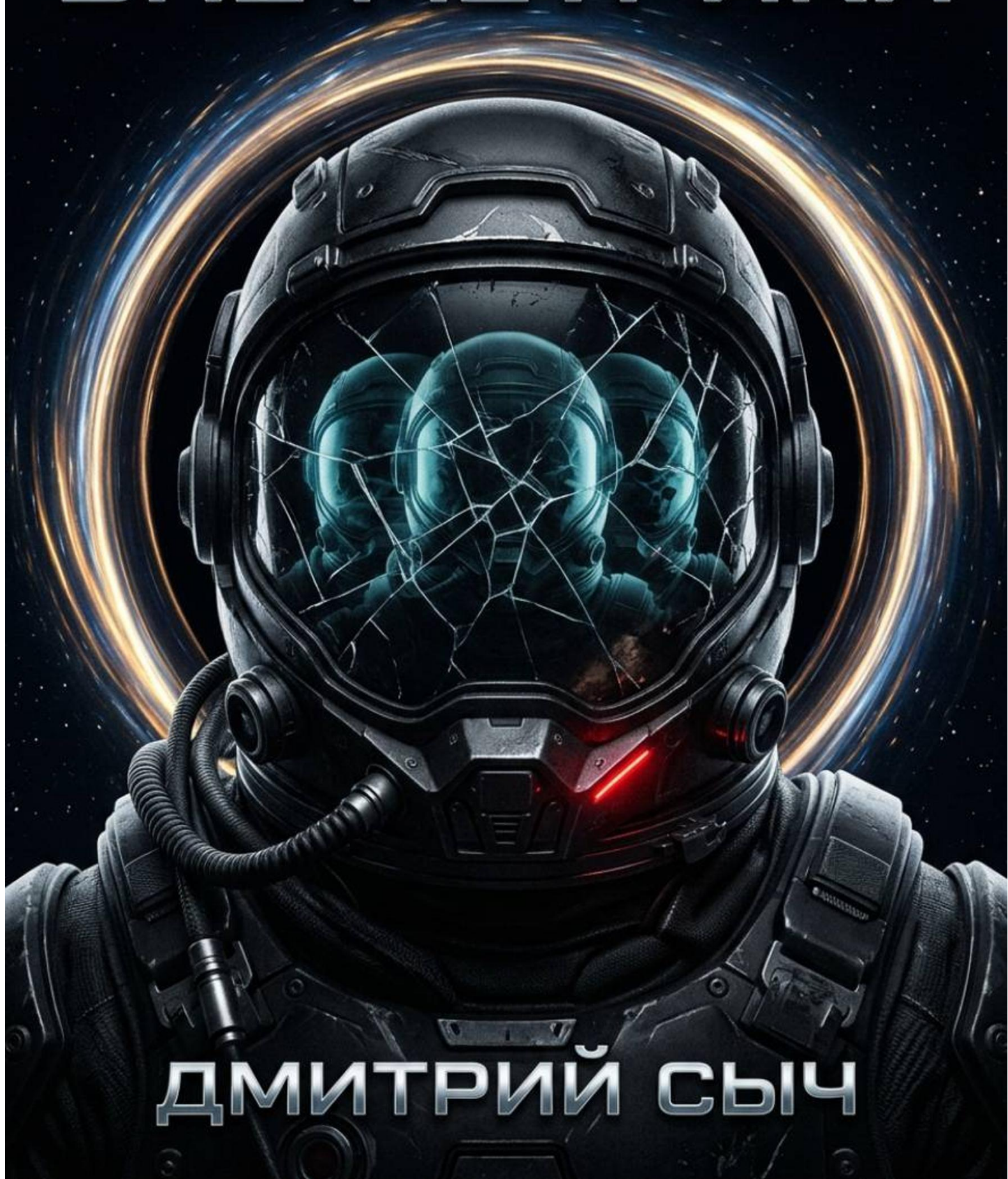


# СТАНЦИЯ ВНЕ МЕТРИКИ



ДМИТРИЙ СЫЧ

Дмитрий Сыч  
**Станция вне метрики**

«Автор»

2026

**Сыч Д.**

Станция вне метрики / Д. Сыч — «Автор», 2026

Жесткая физика и техно-реализм: Выживание в вакууме, термодинамика замкнутых систем и безжалостный холод космоса. Корпоративные войны: Мир, где человеческая жизнь измеряется рентабельностью, а технологии стоят больше, чем орбитальный флот. Синхронизированный разум: Уникальная боевая тактика главного героя, управляющего Роем как собственным телом.

© Сыч Д., 2026

© Автор, 2026

# Дмитрий Сыч

## Станция вне метрики

### ГЛАВА 1. Выпадение из координат

В шлюзовом ангаре «Зенит» висела тяжелая, пульсирующая тишина, сотканная из низкочастотного гула вентиляционных турбин, далекого биения насосов криогенного контура и монотонного скрипа переборок. Станция «ЗАСЛОН» дышала. Она представляла собой колоссальную массу металла, подвешенную в пустоте, и каждый градус изменения температуры на обшивке отзывался микродеформациями внутреннего каркаса.

Воздух здесь всегда был сухим, перефильтрованным до состояния стерильности, а на зубах скрипела медная пыль и взвесь перегоревшего тефлона — след постоянной работы плазменных резаков.

Борис Бурлак стоял у желтой ограничительной линии, скрестив руки на груди. Широкие плечи обтягивал рабочий комбинезон, ткань которого на локтях задубела от въевшейся технической смазки. Главный механик не сводил глаз с массивного дисплея над титановыми створками шлюза, где ползли графики синхронизации. Двадцать тысяч тонн курьерского шаттла сейчас пытались ювелирно состыковаться с вращающимся внешним кольцом станции.

У тяжелых магнитных ботинок Бурлака переминался Константин Седов. Худой и нескладный стажер первого года сжимал ручки кофра с газоанализаторами так, словно это был его единственный спасательный круг. Под прозрачным пластиком защитных очков скопился конденсат. Костя дышал слишком часто, нерационально расходуя кислород, отчего система рециркуляции его легкого скафандра раздражающе шипела, отводя излишки углекислоты.

— Борис Игнатьевич, — голос Кости дрогнул, пробиваясь сквозь вокалайзер шлема. — Давление в переходном рукаве скачет. Девять десятых атмосферы. Допуск ведь до единицы...

— Допуск до единицы и двух десятых, Седов. Если бы ты читал мануал по стыковочным узлам класса «Омега-3», а не корпоративные форумы, ты бы это знал, — глухо, не поворачивая головы, отозвался Бурлак. — Перестань дергать ручки кофра. У тебя тремор передается на гироскопы анализаторов. Собьешь калибровку — будешь перенастраивать вручную. Всю смену.

Костя судорожно сглотнул, попытался ослабить хватку, но пальцы в толстых перчатках слушались плохо.

— Говорят, у этого курьера полная нейросинхронизация с эскортом, — не унимался стажер, пытаясь заговорить страх перед прибытием легенды. — Прямой пинг в кору головного мозга. Никаких внешних серверов.

— Мне плевать на его архитектуру. — Бурлак сместил вес на левую ногу, когда по палубе прошла глубокая вибрация. — Главное, чтобы его «игрушки» не начали коротить на моей станции.

Удар.

Он пришел не звуком, а кинетическим толчком снизу вверх. Стыковочные штанги шаттла вошли в пазы. Многотонные электромагнитные захваты с глухим лязгом, от которого завибрировали пломбы в зубах, намертво зафиксировали корабль.

Индикатор над гермодверью сменил цвет на ровный зеленый. Пневматические замки зашипели, сбрасывая избыточное давление. Створки толщиной в локоть дрогнули и с натужным стоном поползли в стороны. Из образовавшейся щели в ангар вырвалось облако конденсата, мгновенно оседая мелкими каплями на визоре Кости.

Денис Северцев шагнул на палубу «ЗАСЛОНа», когда створки еще не успели разойтись до конца. Он двигался с пугающей, математической точностью, не тратя ни джоуля энергии на лишние жесты. Подошвы его пустотных ботинок мягко, без металлического стука, косну-

лись рифленого пола. На шее Дениса, прямо под линией коротко стриженных волос, мерцал матовым синим светом интегрированный нейро-воротник. Никаких шлемов. Никакой тяжелой брони. Только черный тактический комбинезон из смарт-ткани, способной мгновенно менять предел текучести при кинетическом ударе.

За его спиной из клубов пара выступили трое. Дин, Тори и Трой.

Костя издал сдавленный звук и невольно отступил на полшага. Это были не дроиды охраны и не угловатые погрузчики. Это были идеальные, до дрожи детальные физические копии самого Северцева. Та же биосинтетическая кожа, то же бесстрастное выражение лица, та же геометрия скул. Выдавала их только абсолютная, нечеловеческая синхронность. Они перенесли вес тела, сделали шаг и замерли за спиной своего оператора одновременно, с точностью до миллисекунды. Микрогидравлика суставов, скрытая под слоем электроактивных полимеров, работала абсолютно беззвучно.

Борис прищурился. Наметанный глаз механика сканировал «близнецов», оценивая плотность сборки и матовое абляционное напыление на предплечьях, под которым наверняка скрывалось интегрированное оружие.

— Курьер корпорации, Северцев, — голос Дениса был ровным, лишенным обертонов. Он остановился в трех метрах от желтой линии. Его холодный, оценивающий взгляд мгновенно зафиксировал Бурлака, трясущегося Костю и камеры наблюдения под потолком.

— Бурлак. Главный механик. — Борис протянул руку.

Северцев ответил коротким, жестким рукопожатием. Его ладонь была сухой и теплой, но Борис почувствовал, как напряглись мышцы на предплечье курьера — не как у человека, а как у натянутого стального троса.

— Ваш контейнер готов к изъятию в спецхране сектора «Омега», — сухо продолжил Борис, вытирая ладонь о штанину. — Внешний контур мы изолировали, протоколы передачи подписаны Куницыным. Но у меня на палубе свои правила, Северцев. Вы переводите свой эскорт в пассивный режим. Никакой сканирующей активности без моего прямого приказа. У нас тут научный объект, а не тир. Тонкая аппаратура. Полезут с электромагнитными импульсами — я их лично плазморезом вскрою.

Синее кольцо на шее Дениса едва заметно мигнуло. Один из близнецов — Трой — плавно, словно в замедленной съемке, повернул голову и посмотрел прямо в глаза Бурлаку. Зрачки машины сузились, фокусируясь на сетчатке инженера.

— Мой Рой работает на закрытой нейроархитектуре, Бурлак, — ровно ответил Денис, игнорируя угрозу. — Они не излучают активных помех. И реагируют только на прямую угрозу моей биологической оболочке. Вам не о чем...

Он не договорил.

Палуба не просто задрожала. Она ушла из-под ног.

Толчок был настолько мощным и глубоким, словно станция на полном ходу врезалась в невидимый астероид. Звука удара не последовало. Вместо него по внутренним переборкам прокатился низкий, выворачивающий внутренности инфразвуковой гул. Он зародился далеко внизу, в техническом чреве сектора «Бета», там, где находился массив орбитального коллайдера.

Магнитные фиксаторы в ботинках Бурлака автоматически включились, приковав его к полу с противным металлическим лязгом. Костя, чьи ботинки были настроены на ручной режим, потерял равновесие. Он взмахнул руками. Кофр с анализаторами выскользнул из его ослабевших пальцев.

Но ящик не упал на рифленую сталь. Он завис в воздухе под углом в сорок пять градусов, а затем, повинаясь инерции, медленно поплыл вверх, вращаясь вокруг собственной оси.

Искусственная гравитация умерла.

— Какого хрена... — выдохнул Борис, отрывая одну ногу от палубы и с силой впечатывая ее обратно, чтобы проверить магнитный контур. Он резко повернулся к настенному терминалу связи. — Рубин! Ядро! Лев, что у вас с компенсаторами вращения?!

Из динамика полился густой, плотный белый шум статического электричества.

Красные аварийные стробоскопы ударили по глазам, заливая шлюз тревожным, мигающим светом. Денис остался стоять на месте, его магнитки сработали безупречно. Но синее кольцо на его шее внезапно налилось багровым.

Нейроинтерфейс курьера захлебнулся. За долю секунды система попыталась опросить орбитальные спутники Земли, ретрансляторы Фобоса и внутреннюю сеть «ЗАСЛОНа». Ответ был один: «Метрика пространства не найдена».

Рой отреагировал мгновенно. Дин, Тори и Трой без единого звука образовали вокруг Дениса треугольник. Композитные пластины на их запястьях с сухим щелчком разъехались в стороны, обнажив матовые стволы магнитных ускорителей.

— Оружие в ноль! — рявкнул Бурлак, игнорируя невесомость и отталкиваясь от стены прямо на курьера. — Прощете обшивку, нас всех вытянет в вакуум!

— Борис Игнатьевич... — голос Кости превратился в тонкий, срывающийся писк. Стажер завис в полуметре от пола, судорожно цепляясь свободной рукой за страховочный поручень. Его побелевшее лицо было повернуто к толстому бронестеклу внешнего иллюминатора шлюза. — Марс... Где планета?

Бурлак замер. Он проследил за дрожащим пальцем стажера.

Там, где секунду назад сквозь кварцевое стекло висела огромная, покрытая шрамами каньонов ржавая полусфера, теперь не было ничего. Ни планеты. Ни далеких точек звезд. Ни слабого свечения солнечной короны.

За окном стояла абсолютная, физически осязаемая чернота. Словно станцию вырезали из Вселенной скальпелем и поместили в ящик, залитый светопоглощающей смолой.

В это же самое время, семью палубами ниже, в узком кабельном коллекторе, опоясывающем жилой сектор «Альфа», гравитация тоже перестала существовать.

Изоolda висела в метре от решетчатого пола, удерживаемая только страховочным фалом технического пояса. Темноту тесного туннеля, забитого толстыми жгутами оптоволокон и силовыми шинами, прорезал лишь узкий луч ее налобного фонаря. Пылинки замерли в воздухе, медленно дрейфуя в свете, словно микроскопические астероиды.

Внезапный инфразвуковой удар, сотрясший станцию минуту назад, не вызвал на ее лице ни тени паники. Наивная и миловидная неуклюжесть, которую она всегда демонстрировала начальству, исчезла мгновенно. Черты ее красивого лица заострились, превратившись в холодный, лишенный эмоций интерфейс боевого протокола.

Она не смотрела в иллюминаторы и не знала о пропавшем Марсе. Ей не нужно было видеть космос, чтобы читать метрику катастрофы — она видела ее через архитектуру сети.

Плавным, выверенным движением Изоolda подтянула себя к распределительному щиту корпоративной безопасности. Пальцы в тонких тактильных перчатках безошибочно нащупали скрытый под воротником комбинезона крипто-шлюз. Она извлекла из него тонкий, похожий на хирургическую иглу коннектор и с силой вогнала его напрямую в оптический порт щитка, минуя внешние файрволы.

Ее сетчаточный имплант вспыхнул потоком данных.

Центральный ИИ «ЗАСЛОНа» бился в агонии. Ослепший, лишившийся связи с навигационными спутниками и не понимающий физики окружающей среды, сервер безопасности начал хаотично активировать протоколы выживания. Система фиксировала множественные

отказы и отсутствие внешнего давления, принимая вакуум из темной материи за критическую разгерметизацию всего комплекса.

— Идеально, — едва слышно прошептала Изольда. Ее голос в пустом коллекторе прозвучал ровно, как щелчок реле.

Пользуясь слепотой ИИ, она запустила заранее написанный скрипт-паразит. Код скользнул по внутренним магистралям станции, направляясь к ангарам спящих охранных платформ «Цербер-М». Пока система безопасности пыталась осознать потерю Вселенной, Изольда хладнокровно переписывала приоритеты целей для тяжелых дронов. Корпоративные метки сотрудников «ЗАСЛОНа» меняли статус с «союзник» на «потенциальная угроза».

Доступ к данным Открытия Штерна требовал тишины. И если для этой тишины придется утилизировать половину экипажа руками их же собственной охраны — это приемлемые издержки.

Она отключила коннектор, спрятала его под комбинезон и, оттолкнувшись от переборки, бесшумно скользнула по коллектору в сторону крипто-центра. Начался обратный отсчет.

В шлюзовом ангаре «Зенит» паника ИИ приняла физическую форму.

Резкий, рвущий барабанные перепонки скрежет металла заставил Костю закрыть уши руками. Массивные титановые створки переходного рукава, которые только что с трудом разошлись, начали конвульсивно смыкаться.

Ослепшая система безопасности инициировала протокол «Слепой герметизации». ИИ пытался запечатать все внешние контуры, игнорируя тот факт, что в захватах шлюза жестко зафиксирован двадцатитонный курьерский шаттл. Створки, рассчитанные на удержание внутреннего давления в случае пробоя обшивки, сейчас работали как гигантские промышленные ножницы. Переходной шлюз шаттла, сделанный из легкого аэрокосмического сплава, оказался прямо между ними.

— Автоматика сошла с ума! — рявкнул Бурлак. — Она сейчас срежет рукав! Нас вытянет!

Он рванулся к стене, тяжелые магнитные подошвы с лязгом впечатывались в палубу, преодолевая невесомость. Борис ударил кулаком по аварийной панели, срывая пластиковый кожух. Под ним скрывался массивный механический рычаг ручного сброса давления в гидроцилиндрах.

Бурлак повис на рычаге всем своим немалым весом, упершись ногами в переборку. Вены на его шее вздулись, лицо налилось кровью. Рычаг не поддавался ни на миллиметр. Сервоприводы, подчиняясь прямому приказу ИИ, намертво заблокировали клапаны.

Расстояние между створками стремительно сокращалось. Визг сминаемого сплава шаттла наполнил ангар — титан начал вгрызаться в металл корабля. Еще десять секунд, и шлюз будет перерублен пополам.

— Северцев! — прохрипел механик, не отпуская рычаг. — Вырубай замки!

Денис не пошевелился. Он стоял посреди ангара, зафиксированный магнитами. Его лицо оставалось ледяной маской, но синее кольцо нейроинтерфейса на шее пульсировало угрожающим багровым светом. Прямая трансляция команд в Рой происходила без единого звука.

Трой — крайний правый киборг — сорвался с места.

Его рывок был настолько быстрым, что человеческий глаз зафиксировал лишь смазанное черное пятно. Машина метнулась к смыкающимся створкам и вбила оба предплечья в образовавшуюся щель.

Раздался оглушительный удар. Титановые челюсти шлюза врезались в руки киборга.

Магнитные фиксаторы в ботинках Троя заискрились, намертво привариваясь к палубе. Синтетические мышцы под его тактильным комбинезоном вздулись, копируя предельную

гипертрофию человеческих волокон. Микрогидравлика внутри его карбид-вольфрамового эндоскелета завывала на высокой, режущей уши ноте.

— Держу напряжение контура. Ожидаю падения давления, — синтезированный голос Троя прозвучал так же обыденно, словно он зачитывал прогноз погоды, хотя на его предплечья сейчас давили тысячи атмосфер.

Это был тест на предел текучести материалов в реальном времени. Титан давил на вольфрам. Синтетическая кожа на руках Троя не выдержала натяжения и лопнула с сухим треском. Из глубоких разрезов брызнула густая, сизая жидкость-лубрикант, мгновенно разлетаясь по ангару идеальными сферами из-за отсутствия гравитации. Обнажился мерцающий серебристый металл внутреннего скелета. Суставы машины начали издавать пугающий хруст микродеформаций.

Денис слегка стиснул челюсти. Тактильная обратная связь транслировала ему фантомную боль от сминаемого металла двойника прямо в нервную систему.

— Давай, механик, — процедил Северцев сквозь зубы. — Его кинематика не выдержит больше четырех секунд.

Бурлак понял задачу мгновенно. Рой выиграл ему время, остановив створки. Сервоприводы ИИ перегревались, пытаясь преодолеть сопротивление киборга.

Главный инженер отпустил рычаг. Он выдернул из нагрудного кармана тяжелый титановый гаечный ключ, перевернул его и с яростью, умноженной на отчаяние, всадил острый конец рукоятки прямо в зазор между панелью и заблокированным гидравлическим клапаном.

— Пошла... ты... кусок... пластика! — Борис навалился на ключ, используя его как рычаг первого рода.

Металл жалобно скрипнул. Раздался громкий треск ломающегося стопорного кольца.

Клапан вылетел из гнезда. Из пробитой магистрали прямо в лицо инженеру ударила тугая струя едкой рабочей жидкости под чудовищным давлением. Гидрогель мгновенно вскипел в невесомости, заполняя угол ангара густым белым паром.

Давление в створках резко упало. Титановые плиты остановились, оставив на переходнике шаттла глубокие, рваные вмятины, но не пробив его насквозь. Автоматика, лишившись гидравлического упора, сдалась.

Трой плавно опустил искореженные, истекающие лубрикантом руки. Киборг медленно повернул голову к Северцеву. Его лицо, испачканное технической жидкостью, оставалось бесстрастным.

Бурлак тяжело дышал, висая у разбитой панели. Он вытер залитые едким гидрогелем глаза рукавом комбинезона. Сердце колотилось в горле, отдаваясь пульсацией в висках.

Он оттолкнулся от стены, подплыл к Косте, который в шоке сжался у страховочного поручня, и рывком поставил стажера на магнитные подошвы.

— Седов, — хрипло выдохнул Борис, доставая из кармана тяжелую корпоративную рацию и щелкая тумблером на защищенный аналоговый канал. — Подбери свой ящик. И перестань пялиться в иллюминатор.

Стажер сглотнул, не отрывая взгляда от абсолютной, мертвой черноты за бронестеклом, где больше не было Вселенной.

— Борис Игнатьевич... Что мы будем делать?

Бурлак перевел взгляд на Дениса Северцева. Курьер уже проверял целостность поврежденных узлов Троя, его движения снова стали скупыми и расчетливыми. Рой был готов к работе.

— Выживать, Седов, — ответил главный механик, и его голос впервые потерял свою привычную агрессию, сменившись ледяной сосредоточенностью. — Станция вне метрики. Мы ослепли. И теперь мы здесь совсем одни.

## ГЛАВА 2. Карантин данных

Тишина в кабинете Артемия Куницына стоила миллионы кредитов и обеспечивалась многослойными акустическими метаматериалами, вшитыми в каркас небоскреба. Этот бункер на сотом этаже центральной башни корпорации «ЗАСЛОН» в Новой Москве был физически и криптографически изолирован от внешнего мира. Здесь всегда царил сухой, вымороженный климат-контролем воздух, а кожу стягивало от жесткой статики — следствия работы промышленных ионизаторов и мощных квантовых серверов, скрытых под фальшполом.

Куницын сидел за массивным столом из монолитного полимера, не мигая глядя на центральный голографический проектор.

Еще шестнадцать секунд назад там, в центре трехмерной координатной сетки, медленно вращалась зеленая каркасная модель орбитального научно-производственного комплекса. Телеметрия поступала с задержкой в три минуты — стандартный пинг для расстояния от орбиты Земли до Марса. Система транслировала штатные показатели: температуру реактора, статус центрифуг, давление в гидронных контурах.

Теперь сетка была абсолютно пуста. Стерильно-белое поле интерфейса выводило единственную строку системного лога, пульсирующую холодным светом:

ERR\_NULL\_MASS. Нарушение квантовой запутанности. Объект вне метрики.

Ошибки связи в глубоком космосе считались рутинной. Отказы ретрансляторов, пылевые бури на поверхности Марса, экранирующие сигнал, сбои в маршрутизации — всё это закладывалось в графу эксплуатационных рисков. Но даже при полном обесточивании объект такого масштаба оставляет следы. Он сохраняет тепловую сигнатуру, гравитационную массу, альбедо — способность отражать солнечный свет. Станция «ЗАСЛОН» не просто перестала передавать пакеты данных. Она перестала существовать для физических приборов Солнечной системы. Триста человек элитного персонала. Десятилетия разработок.

И София.

Черты лица Куницына казались высеченными из серого базальта. Ни один мускул не выдал внутреннего тектонического сдвига. Только пальцы правой руки, покоящиеся на стеклянной столешнице, сжались с такой силой, что встроенные в стекло пьезоэлектрические сенсоры издали резкий предупреждающий сигнал, регистрируя критическое давление на матрицу.

Дверь кабинета бесшумно ушла в стену, подчиняясь биометрическому сканеру. На пороге появилась Виктория Аршавская. Глава департамента по связям с общественностью дышала чуть быстрее обычного. Спина под строгим кроєм корпоративного пиджака оставалась идеально прямой. Тонкие каблучки отбивали по паркету жесткий, чеканный ритм — звук надвигающегося кризис-менеджмента.

— Артемий Викторович, — Виктория остановилась ровно в двух метрах от стола. Ее холодные, расчетливые глаза быстро скользнули по пустому голографическому полю и вернулись к лицу Куницына. — Узел дальней связи на Фобосе подтверждает аппаратный сброс. Это не ошибка марсианского сегмента. Данных просто нет.

— Радиационный фон в квадрате позиционирования? — Голос Куницына прозвучал глухо, без интонаций. Он звучал не как вопрос отца, потерявшего дочь, а как запрос оператора к машине.

— Нулевой. — Аршавская активировала тактический планшет, и движение ее пальцев перебросило массивы графиков на стекло стола перед боссом. — Никаких следов гамма-всплеска, жесткого рентгеновского излучения или выброса плазмы, которые неизбежно сопровождали бы пробой криогенного контура или детонацию термоядерного реактора. Обломков тоже нет. Радарное сечение сектора чистое.

— Масса не исчезает без выделения энергии, Виктория. Это базовый закон.

— Наши аналитики из отдела астрометрии зафиксировали кое-что другое. — Она провела пальцем по стеклу, разворачивая сложную спиралевидную диаграмму. — За три наносе-

кунды до потери сигнала датчики гравитационного интерферометра зарегистрировали колоссальный спайк. Пространство в координатах станции буквально свернулось. Математически это выглядело как микро-черная дыра, но без аккреционного диска и горизонта событий. Аномалия сформировалась, поглотила массу комплекса и мгновенно схлопнулась, не оставив даже гравитационной ряби.

Куницын медленно разжал пальцы. Он взял со стола платиновый стилус и методично, с миллиметровой точностью, выровнял его параллельно краю интерфейсной панели. Механика этого простого, контролируемого действия помогала ему удерживать архитектуру собственной психики. Сейчас он был не отцом. Он был генеральным директором структуры, которая могла рухнуть в любую секунду.

— Аналитики корпорации «Арес-Тек» это видели?

— Если их спутники-шпионы были сфокусированы на нашем квадрате орбиты — а мы знаем, что их оптика пасётся там постоянно с начала года, — то да. — Виктория скрестила руки на груди. — Алгоритмы высокочастотного трейдинга на лунных биржах уже фиксируют отсутствие нашей логистики. Через двадцать минут боты начнут сбрасывать активы. Через час акции «ЗАСЛОНА» рухнут на тридцать процентов из-за слухов. А к вечеру карманные журналы «Арес-Тек» начнут задавать в прямом эфире планетарных каналов вопросы о том, не проводили ли мы незаконные тесты с метрикой вакуума и куда испарились целевые инвестиции.

Куницын посмотрел на спиралевидный график аномалии. Штерн. Это мог быть только Валерий Штерн и его одержимость темным сектором.

— Вводите информационный блок в режим жесткого карантина. — Голос Куницына приобрел металлическую жесткость. — Запускайте протокол «Амбер». Глушите все исходящие каналы от младшего персонала на Земле, у кого есть допуск к орбитальным данным.

— Легенда? Солнечная интерференция? — понимающе кивнула Аршавская, уже вбивая коды доступа в свой терминал.

— Именно. Непрогнозируемый, аномально плотный выброс корональной массы выжжет оптические ретрансляторы на марсианской орбите. Станция переведена в глухой автономный режим безопасности для защиты чувствительного оборудования. Жизням экипажа ничто не угрожает. Мы приступили к восстановлению каналов. Отправьте технические спецификации выброса в лояльные нам обсерватории, пусть подтвердят «вспышку».

— У нас есть максимум сутки, Артемий Викторович. Прежде чем независимые астрономы на Церере докажут, что выброса на Солнце не было, а марсианская орбита абсолютно пуста.

— За эти сутки мне нужны координаты, — отрезал Куницын, поднимаясь из кресла. Он подошел к панорамному окну, глядя на огни мегаполиса сквозь тонированное бронестекло. — Свяжитесь с генералом Волковым по выделенному военному каналу. Пусть разворачивает орбитальные телескопы дальнего контура ВКС и сканирует глубокий космос на предмет сверхмассивных гравитационных аномалий. Они не могли раствориться в небытии. Если эта станция сдвинулась с места, значит, она оставила гравитационный кильватер в ткани пространства. Найдите ее, Виктория.

В то же самое мгновение, когда на Земле Куницын смотрел на пустую координатную сетку, за миллионы километров от него — или уже в совершенно иной, не поддающейся геометрическому исчислению системе координат — инженер-физик Лев Рубин смотрел в лицо аннигиляции.

Реакторный отсек, расположенный в самом защищенном ядре центрального стержня станции, сходил с ума.

Это была неправильная, больная вибрация. Обычно термоядерный генератор работал с ровным, низкочастотным гулом, прогоняя жидкий литий и фторуглеродный хладагент по толстым армированным магистралям. Сейчас палуба под рифлеными подошвами ботинок Рубина билась в мелкой высокочастотной лихорадке. Эта дрожь передавалась через металл в кости, заставляя суставы ныть, а челюсти — рефлекторно сжиматься.

Температура в отсеке стремительно падала. Где-то на верхнем ярусе лопнул патрубок вторичного криогенного контура. Взвесь микрокристаллов распыленного фторуглерода обжигала гортань при каждом вдохе. На бровях и ресницах физика уже осел иней. Дыхание вырывалось изо рта короткими, рваными облачками пара, мгновенно замерзая на мониторах.

Рубин сидел в амортизационном ложементе перед главной консолью управления орбитальным коллайдером «Уроборос». Его пальцы, обтянутые тонкими сенсорными перчатками, с пугающей скоростью вбивали команды. Он давно перешел с зависающих оптических панелей на грубые, безотказные механические тумблеры и аналоговые слайдеры.

Физик задыхался. Не от гипоксии, хотя концентрация кислорода падала. Он задыхался от чудовищной, невозможной математики, которая выстраивалась в столбцы данных на его экранах.

— Штерн... ты конченный, абсолютный фанатик, — прошептал Рубин. Губы почти не слушались от холода.

Датчики внешнего контура, закрепленные на обшивке «ЗАСЛОНА», выдавали парадоксальные значения. Оптические и радиочастотные телескопы фиксировали абсолютный математический ноль. Ни единого фотона. Ни реликтового излучения, ни микроволнового фона. Внешней Вселенной для станции больше не существовало. Они были полностью отрезаны от электромагнитного спектра.

Но при этом гравиметры и детекторы массы ревели дурным голосом, заливая терминал тревожным красным свечением.

Коллайдер, который Валерий Штерн заблокировал изнутри изолированного сектора «Бета», поглощал энергию реактора по экспоненте. Он работал на сто сорок процентов от расчетной мощности, и толстые силовые шины, скрытые за стеновыми панелями, уже начали издавать угрожающий треск термического расширения. Ускоритель генерировал скалярное поле такой немислимой плотности, что оно рвало метрику вакуума.

Графики перед глазами Рубина показывали суть Открытия, ради которого Штерн пожертвовал станцией.

Вокруг «ЗАСЛОНА» прямо сейчас формировалась сверхмассивная гравитационная аномалия. Скалярное поле коллайдера сработало как гигантская ловушка, притянув к себе скрытую массу — рассеянную темную материю. Эта невидимая, не взаимодействующая со светом субстанция спрессовывалась вокруг титановых колец станции, образуя колоссальный, сверхплотный кокон.

Именно поэтому исчезли звезды за иллюминаторами. Станция оказалась заперта внутри гравитационного панциря, сквозь который не мог пробиться свет.

Но ужас заключался в том, что графики показывали за кормой этого пузыря. В ядре коллайдера темная материя принудительно вводилась в фазовый резонанс. Она распадалась, и этот контролируемый распад порождал направленный выброс темной энергии. Отрицательное давление. Чистая, концентрированная антигравитация. Пространство позади гравитационного пузыря начало расширяться с чудовищным ускорением, выталкивая станцию сквозь ткань мироздания.

— Мы летим, — Рубин откинулся на спинку ложемента. Глаза слезились от едкого холода. Индикаторы вектора тяги давно перешагнули релятивистские пределы.

Внутри кокона перегрузки почти не ощущались. Колоссальная масса оболочки из темной материи работала как идеальный инерционный демпфер — гироскоп размером с небольшую

луну, защищающий хрупкие титановые переборки «ЗАСЛОНа» от разрывающих приливных сил.

По отсеку ударил резкий механический ревун аварийной тревоги.

Индикатор выходной мощности термоядерного реактора мигнул желтым, просел и перешел в пульсирующий красный.

Рубин подался вперед, вцепившись побелевшими пальцами в края консоли. Станция сжигала ресурсы слишком быстро. Чтобы пузырь темной материи не распался, магнетогидродинамические генераторы должны были непрерывно поддерживать внешний электромагнитный каркас. Если напряжение в сверхпроводящих катушках упадет хотя бы на ноль целых три десятых процента...

Физик представил это с ледяной, хирургической ясностью. Электромагнитный скелет дрогнет. Оболочка из темной материи истончится. И тогда отрицательное давление темной энергии, которое толкает их сейчас сквозь вакуум, ворвется внутрь. Оно мгновенно раздавит станцию. Всю эту гигантскую массу металла, пластика и живой плоти сожмет в сингулярность с нулевым объемом.

Из настенного динамика, пробиваясь сквозь треск статических разрядов и помех, раздался искаженный, злой голос Бориса Бурлака:

«...Рубин! Ядро! Лев, что у вас с компенсаторами вращения?! Ответь, физик!»

Рубин дернулся к тангенте микрофона, но его взгляд зацепился за манометр подачи трития в третий инжектор. Стрелка неумолимо ползла к красной зоне. Времени на доклады не осталось.

— Выживай сам, механик, — процедил сквозь зубы Лев, отдергивая руку от связи.

Он обеими руками вцепился в тяжелые механические переключатели распределительного щита. Система задыхалась от нехватки ампер. Ему нужно было немедленно отсечь периферию, чтобы напитать сердце. Рубин активировал схему энергообеспечения жилого кольца «Альфа».

На голографической схеме зеленым светились сектора гидропонных ферм, оранжерей, рекреационных зон и климат-контроля кают младшего персонала.

— Простите, — прохрипел Рубин.

Он с силой, вбивая вес собственного плеча в панель, опустил ряд тяжелых рубильников вниз. Механические контакты разомкнулись с громким щелчком, высекая снопы синих искр.

Половина станции погрузилась во тьму.

Высвобожденные гигаватты энергии с ревом хлынули напрямую в толстые шины коллайдера. Напряжение на магнитных катушках скачкообразно выровнялось. Стрелка подачи трития замерла на границе красной зоны и медленно поползла вверх. Аварийный ревун захлебнулся и стих, оставив после себя лишь звон в ушах и гул перегруженных трансформаторов.

Рубин тяжело откинулся в кресле, утирая со лба смесь ледяного пота и осевшего хлад-агента. Руки била крупная дрожь — откат после выброса адреналина.

Где-то на периферии сознания, пробиваясь через усталость, он осознал самую страшную деталь этой архитектуры. Он видел алгоритм, бегущий по экранам. Уравнение взаимодействия темной материи и скалярного поля было слишком нестабильным. Слишком хаотичным. Ни один автономный ИИ не смог бы просчитать квантовые флуктуации в реальном времени.

Код не был автономным.

Валерий Штерн сидел там, за бронированными гермодверями сектора «Бета», подключенный напрямую к квантовому ядру через нейроинтерфейс. Он лично балансировал систему, вручную компенсируя квантовые флуктуации и удерживая нестабильную метрику на грани математического коллапса. И если Бурлак, Северцев или перепуганная служба безопасности корпорации попытается прорваться в лабораторию Штерна и остановить его грубой силой — баланс рухнет. И от них всех останется только пыль, размазанная по изнанке Вселенной.

### ГЛАВА 3. Уравнение выживания

Сектор «Альфа» умер в одну секунду.

Сначала исчезла гравитация, превратив жилое кольцо в хаотичную центрифугу из дрейфующих тел, незакрепленных планшетов и сорвавшихся с магнитных замков контейнеров. А спустя три минуты, когда Лев Рубин жестко отсек периферию на главном распределительном щите, свет погас окончательно.

Вместе со светом оборвался ровный, успокаивающий гул систем жизнеобеспечения. Вентиляционные турбины встали. Наступила абсолютная, звенящая тишина, которую тут же разорвали крики людей, глухие удары о переборки и треск сминаемого пластика.

Когда под потолком с задержкой в десять секунд вспыхнули тусклые кроваво-красные полосы аварийных светодиодов, медотсек номер четыре уже напоминал зону боевых действий.

Воздух быстро становился вязким и горячим. Из-за скачка напряжения на платах сгоревших стабилизаторов в помещение выбросило облако сизого дыма от расплавленных полимеров, от которого слезились глаза. Без работающих фильтров углекислота начала скапливаться плотными, невидимыми слоями, заставляя легкие работать на износ.

София Куницына оттолкнулась от титановой стойки стерилизатора, ловя равновесие в микрогравитации. Ее белый медицинский комбинезон был перепачкан бурыми пятнами. В невесомости кровь не текла. Она собиралась на ранах пострадавших идеальными пульсирующими сферами из-за поверхностного натяжения. Если их не собрать вакуумным отсосом, эти сферы отрывались и дрейфовали по отсеку, размазываясь по стенам и визорам липкими кляксами.

— Ира! Зафиксируй грудную клетку третьего ложемент! — голос Софии прозвучал резко, перекрывая стоны раненых. В нем не было ни капли истерики — только холодный металл протоколов сортировки. — У него флотирующий перелом ребер. Дернется — пробьет плевру.

Ирина, стажерка первого года ординатуры, висела над операционным столом, судорожно пытаясь застегнуть широкие ремни фиксации. Пальцы в тонких нитриловых перчатках скользили от пота. Девушка часто дышала, ее зрачки за стеклом защитной маски почти полностью поглотили радужку. Она видела, как за иллюминатором исчез космос. Она знала, что они ослепли.

— Замок... замок не сходится, София Артемьевна! — голос Иры сорвался на вскрик. Магнитная защелка лязгала, но не фиксировалась из-за попавшей в паз капли чужой крови.

София одним плавным движением подплыла к столу, жестко и уверенно перехватив дрожащие руки стажерки своими.

— Дыши на три счета, Ира, — веско произнесла Куницына. Она перевернула ремень, счистила сгусток большим пальцем и с силой вогнала скобу в паз. Раздался спасительный щелчок. — Парциальное давление кислорода падает. Не трать его на панику. Мне нужны твои руки, а не слезы. Вводи коагулянт, два кубика.

Ира судорожно кивнула, сглотнула подкативший ком и потянулась к пневматическому инъектору.

В этот момент гермодверь медотсека содрогнулась. Внешний магнитный замок жалобно пискнул, не выдержав напора, и створки с шипением разъехались.

В отсек ввалилась толпа младших техников и биологов из гидропонного сектора. Лица людей, освещенные красным аварийным светом, исказила паника. Ими управлял исключительно слепой инстинкт выживания.

Впереди всех, отталкиваясь от косяка, летел Ковалев — старший смены климат-контроля. У него был рассечен лоб, кровь заливала левый глаз густой маской.

— Капсулы! — орал Ковалев, размахивая руками и цепляясь за медицинское оборудование. Центрифуга для плазмы с грохотом сорвалась с креплений. — Пустите к транзитному лифту! Нам нужно в ангар спасательных шлюпок! Мы падаем! Там нет звезд, вы понимаете?! Мы все содохнем!

Толпа за его спиной угрожающе подалась вперед. Страх заразен, и в замкнутом объеме станции он распространялся быстрее любого вируса. Если они прорвутся к лифтам и начнут отстреливать спасательные капсулы прямо в непроницаемый кокон темной материи — металл просто расплющит об эту гравитационную стену.

— Стоять. — София оттолкнулась от операционного стола, перерезая им траекторию движения.

Ковалев даже не притормозил. Он выбросил вперед руку, пытаясь отшвырнуть хрупкую женщину с пути.

София не стала уворачиваться. Она перехватила его запястье, используя инерцию его же движения. Легкий поворот корпуса, жесткая фиксация магнитных ботинок на палубе — и Ковалев с силой впечатался плечом в рифленую переборку.

Прежде чем техник успел набрать в грудь воздуха для нового крика, пальцы Софии сомкнулись на его шее, нащупывая сонную артерию. В ее правой руке блеснул металлический цилиндр пневмоинжектора. Компрессор глухо щелкнул, и сжатый воздух вбил микродозу тяжелого транквилизатора прямо через кожу.

Ковалев дернулся, челюсть отвисла, и через секунду он обмяк, превратившись в безвольный, дрейфующий в невесомости груз.

Толпа позади него мгновенно замерла. Тишину нарушало только хриплое дыхание людей и тихое гудение заряжающегося для нового выстрела инжектора в руке Куницыной.

— Спасательные капсулы заблокированы центральным ИИ. Внешний контур закрыт, — голос Софии звучал ровно, без единой ноты сомнения. Она обвела взглядом замерших людей, встречаясь с каждым глазами. — Любая попытка покинуть станцию приведет к декомпрессии и мгновенной смерти. Энергия перенаправлена в ядро для стабилизации реактора. Выживание «ЗАСЛОНа» сейчас зависит от соблюдения протокола.

Она плавно оттолкнулась от стены, возвращаясь к операционному столу.

— Кто из вас умеет накладывать турникеты и ставить внутривенные катетеры? — бросила она толпе, не оборачиваясь.

Две секунды тишины. Затем один из техников медленно поднял руку. За ним вторая девушка-биолог.

— Обработайте руки антисептиком. Наденьте перчатки. Вы поступаете в мое распоряжение. — София посмотрела на Иру, которая застыла с зажатым в руке коагулянтом, забыв о страхе. — Ирина. Выдай им аптечки первой очереди. И собери висящую кровь сканером-отсосом, пока она не закоротила нам дефибриллятор. Мы работаем.

Паника не ушла. Она просто спряталась под слоем жесткой субординации. София знала, что седативных препаратов хватит ненадолго. Если механики не вернут гравитацию и связь, или хотя бы нормальное освещение, через пару часов этот сектор превратится в скотобойню.

Но сейчас она выиграла им время.

Сектор «Бета» не кричал и не поддавался панике. В отличие от жилых палуб, здесь царила мертвая, вымороженная тишина изолированного бункера. Толстые переборки из композитной брони, рассчитанные на гашение радиационного фона орбитального коллайдера, не пропускали ни звука извне.

Илья Воронцов был намертво притянут такелажными ремнями к сервисному терминалу перед главным шлюзом лаборатории Валерия Штерна. Отсутствие гравитации делало работу

с клавиатурой невыносимой — каждое нажатие клавиши, согласно третьему закону Ньютона, отталкивало тело программиста назад. Без жесткой фиксации он бы просто кувыркался под потолком.

Света не было. Лицо Ильи освещалось лишь резким, холодным синим светом проекционных дисплеев, развернутых в воздухе прямо над тактильной клавиатурой. Сухой раскаленный воздух обжигал горло микроскопической взвесью от плавящихся полимеров — портативный дешифратор Воронцова, подключенный напрямую к оптической шине замка, работал на критических температурах, и его крошечные кулеры выли на пределе оборотов.

Илья не мигал уже полторы минуты. Сетчатка горела от непрерывного скроллинга тысяч строк кода. Воронцов был главным архитектором систем безопасности «ЗАСЛОНа». Он сам писал эти протоколы. Возводил эти цифровые бастионы, чтобы ни один промышленный шпион из «Арес-Тек» не смог подобраться к квантовому ядру.

А теперь ему нужно было вскрыть собственное творение.

— Давай, родной... пусти меня, — пробормотал Илья. Его пальцы с бешеной скоростью вбивали в оптический порт пакеты фейковых данных, пытаясь вызвать переполнение буфера. — Я же оставил здесь бэкдор...

Красный лог ошибки: ACCESS DENIED. Квантовая сигнатура не совпадает.

Илья сцепил зубы. Пот, не способный стекать вниз в условиях невесомости, скапливался на лбу плотной зудящей пленкой, заливая глаза. Воронцов раздраженно смахнул влагу плечом комбинезона.

Штерн не просто заперся. Он переписал базовые уровни доступа, физически отрубил внешние узлы авторизации и завязал управление бронедверью напрямую на свое рабочее место внутри лаборатории.

На левом дисплее висели графики телеметрии из реакторного отсека, которые Воронцов успел перехватить до того, как центральный ИИ ослеп. Илья был не только программистом, он умел читать физику процесса. Он видел этот чудовищный гравитационный пузырь. Видел вектор тяги, порожденный отрицательным давлением. Прямо сейчас «ЗАСЛОН» летел сквозь абсолютное ничто, движимый силой, способной разорвать галактику.

— Илья.

Голос Штерна раздался из аналогового динамика интеркома так внезапно, что Воронцов вздрогнул. Звук был сухим, искаженным статикой, но абсолютно спокойным.

— Валерий Исаакович, — Илья сглотнул сухость во рту. — Вы понимаете, что натворили? Мы вне метрики пространства. Автоматика сошла с ума. Контур жизнеобеспечения на пределе. Вытаскивайте нас отсюда. Выключайте фазовый резонатор!

— Я не могу его выключить, Илья, — мерно ответил ученый. В динамике послышался тихий щелчок, и на правый экран Воронцова упал прямой поток данных из лаборатории.

Илья перевел взгляд на цифры, и когнитивный шок заставил его затаить дыхание.

Это был не просто лог работы коллайдера. Это была кардиограмма процесса удержания темной материи. Миллиарды флосов в микросекунду. Каждая флуктуация скалярного поля требовала немедленной компенсации. Чуть больше энергии на четвертую катушку — и пузырь лопнет. Чуть меньше на седьмую — и отрицательное давление раздавит станцию.

Стандартные алгоритмы ИИ с такой нелинейной задачей не справлялись. Илья увидел архитектуру подключения: Штерн балансировал это уравнение сам. Напрямую. Его мозг, синхронизированный с квантовым ядром через глубокий нейроинтерфейс, работал как биологический сопроцессор.

— Ты видишь архитектуру, Илья? — спросил Штерн. — Это идеальная, замкнутая изолированная система. Эволюционный скачок. Мы первыми коснулись ткани темного сектора.

— Вы нас убиваете! — рыкнул Воронцов, срываясь. Он снова ударил по клавиатуре, запуская агрессивный брутфорс-алгоритм на замки гермодвери. — Реактор сожжет топливо,

и магнитный каркас рухнет! Вы не Бог, Штерн, вы не удержите этот баланс бесконечно! Ваш мозг просто сварится от нейронной перегрузки!

— Возможно, — спокойно согласился ученый. — Температура в моей коре уже превышает норму на два градуса. Но если ты відкриешь эту дверь, Илья...

На экране вспыхнула схема энергосети сектора «Бета». Воронцов похолодел.

Штерн завел питание магнитных замков бронедвери на один контур с фазовым резонатором коллайдера. Любая попытка физически взломать створки, подорвать их направленным взрывом или закоротить систему безопасности вызовет микросекундный скачок напряжения в катушках удержания. Этого будет достаточно.

Если Илья прорвется внутрь, пузырь темной материи треснет в ту же секунду. И тогда вакуум схлопнет «ЗАСЛОН» вместе со всеми.

Связь оборвалась. Динамик издал короткий щелчок и умер.

Илья остался висеть в темноте, удерживаемый такелажными ремнями. Перед глазами пульсировал зеленый код брутфорса, методично подбирающий ключи к гермодвери. Еще пара минут, и алгоритм найдет уязвимость. А вместе с дверью откроется и путь к аннигиляции.

Воронцов смотрел на мигающий курсор. Он медленно поднял затекшие руки, коснулся тактильной панели и ввел команду аппаратного прерывания процесса. Экран погас.

Илья тяжело выдохнул. Он считался лучшим архитектором сетей в корпорации, но сейчас его победил не более сложный код. Его победили законы физики. Штерн превратил саму реальность в свой файрвол. Уравнение не имело решения.

Воронцов отстегнул карабины ремней. Он должен найти главного механика Бурлака. Возможно, где-то в лабиринтах технической документации «ЗАСЛОНа» есть обходной магистральный туннель, не завязанный на квантовую цепь Штерна. Если ИИ ослеп, значит, пришло время действовать вручную. Ломом и гидравликой.

Оставив дешифратор висеть на оптическом кабеле, Илья оттолкнулся от бронедвери и плавно заскользил во тьму коридора, направляясь к нулевому контуру.

#### **ГЛАВА 4. Внутренняя угроза**

Движение в условиях внезапно отключенной гравитации — жесткая проверка вестибулярного аппарата на предел прочности. Для неподготовленного человека потеря понятий «низ» и «верх» означает мгновенную дезориентацию в пространстве и тяжелые приступы тошноты.

Центральная магистраль, ведущая от нулевого шлюза к командному ядру «ЗАСЛОНа», представляла собой восьмиугольный композитный туннель. Сейчас он освещался лишь пульсирующими багровыми линиями аварийных светодиодов. Вязкий, остывающий воздух обжигал гортань микроскопической крошкой нагретой медной оплетки и оседал на зубах скрипучей пылью, выбитой из фильтров инфразвуковым ударом.

Борис Бурлак двигался с расчетливой грузностью. Главный механик не тратил энергию на отталкивание от стен, предпочитая надежную фиксацию: он шел по рифленой палубе, с громким, ритмичным лязгом впечатывая магнитные подошвы тяжелых ботинок в металл. Каждый шаг требовал усилий — электромагниты держали намертво, и, чтобы оторвать ногу, Бурлаку приходилось переносить вес всего тела, преодолевая инерцию.

В левой руке он тащил за страховочный фал Константина Седова. Стажера била крупная дрожь. Лицо под прозрачным визором легкого скафандра приобрело землисто-серый оттенок, лоб блестел от скопившегося плотной пленкой пота. Костя судорожно цеплялся за трос, болтаясь за спиной механика. Магнитные контуры его ботинок Бурлак предусмотрительно отключил — в состоянии паники Седов рисковал сломать себе лодыжки при первой же попытке сделать шаг с жесткой фиксацией.

— Дыши носом, парень. Равномерно, — бросил Бурлак, не оборачиваясь. Голос механика звучал сухо и жестко, перекрывая гул крови в ушах стажера. — Вырвет в шлем — захлебнешься. Аспирация жидкостью в невесомости убивает за две минуты. Терпеть.

Впереди, задавая темп, скользил Денис Северцев и его Рой. Курьер и три его биомеханических двойника не использовали магниты. Они перемещались серией идеально рассчитанных кинетических отскоков. Дин отталкивался от левой переборки, пролетал пять метров по параболе, мягко гасил инерцию кончиками пальцев о поручень и тут же перенаправлял вектор движения. За ним след в след, с отставанием в десятые доли секунды, шли Тори и Трой. Северцев двигался в центре этого треугольника. Абсолютная математика масс и векторов, просчитанная нейроинтерфейсом в реальном времени. Синее кольцо на шее Дениса мерцало в такт пульсу.

У седьмого переборочного узла, где магистраль расходилась к реакторному отсеку и лабораториям сектора «Бета», Рой синхронно замер. Трой и Дин ухватились за титановые шпангоуты и погасили скорость оператора, приняв его массу на себя. Карбид-вольфрамовые эндоскелеты киборгов не издали ни звука.

Бурлак догнал их у массивной, наполовину заблокированной гермодвери.

— Что встали? — хрипло спросил механик, перехватывая фал стажера покороче.

Денис промолчал. Он смотрел в полумрак смежного туннеля. Из темноты, отталкиваясь от кабельных трасс, выплыл человек.

Это был Илья Воронцов. Главного архитектора систем безопасности била нервная дрожь, граничащая с конвульсиями. Форменный комбинезон потемнел от влаги, на поясе болтался обесточенный портативный дешифратор с оплавленными от перегрева экранами. Бурлак шагнул вперед, инстинктивно закрывая собой съездившегося Костю.

— Илья? Почему нулевой контур ослеп? Где телеметрия?

Воронцов зацепился за край бронедвери, останавливая вращение. Он обвел безумным взглядом Бурлака, затем уставился на четверых абсолютно одинаковых людей в черных тактических комбинезонах.

— Курьер... Вы успели состыковаться, — выдохнул хакер. Его голос срывался от нервного истощения. — Слушайте меня внимательно. Телеметрии больше нет. Внешнего контура нет. Солнечной системы тоже нет. По крайней мере, для нас.

— Системный сбой питания гироскопов и оптики, — рывкнул Бурлак, лязгнув ботинком по палубе. — Что в секторе «Бета»?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.